

Телефон на столе зазвонил. Зазвонил снова — в пятый раз за последний час. Да что это всем сегодня нейдет, а?! Аппарат на мгновение замолчал, а потом опять задребезжал.

— Рабочий день уже окончен! — рявкнула в трубку старлей Скрипковская. — Ну? Говорите! Тим, это ты? — добавила она уже не командным, а своим обычным голосом. — Не молчи. Я же знаю, как ты дышишь! И почему ты звонишь мне сюда, а не на мобильный?

— Потому что ты его выключила, — наконец сказала трубка голосом мужа. — А я стою внизу. Выходи. И... я тоже знаю, как ты дышишь! — Он засмеялся.

Они поженились три месяца назад, но Катя все еще не могла привыкнуть ни к новой фамилии Скрипковская-Тодрия, ни к кольцу на безымянном пальце — пальце, напрямую связанном с сердцем, как утверждают некоторые, поэтому кольцо Катя не снимала даже на ночь, — ни со своим статусом замужней дамы. Да и дома теперь нужно было появляться вовремя... интересно, почему? Два года они жили точно так же, как и сейчас, — минус кольцо и штамп в паспорте, и она могла являться когда вздумается, а теперь Тим косо смотрит, когда у нее завал... а завал у нее всегда! Сегодня же и вовсе за ней на работу явился!

Она уже закрывала за собой дверь, как телефон грянул снова.

— Проклятая штуkenция!.. — буркнула Катя, но все же протянула руку. — Скрипковская слушает!

— Какая такая Скрипковская? — поинтересовалась трубка. — У нас такой нету!

— Игорь, меня внизу муж ждет и мне не до шуток! — бросила она.

— О как! — удивился друг, соратник и теперь тоже женатый человек по фамилии Лысенко. — Надо же! Кстати, Катька, почему все-таки ты двойную фамилию взяла? Меня любопытство так и раздрает!

— Когда уже оно тебя окончательно раздерет? — ядовито поинтересовалась она, но Лысенко не обиделся. Поскольку принимал непосредственное участие в ее личном счастье и всем прочем, включая свадьбу на бог знает какое количество гостей. Когда Катя робко сказала, что можно скромно посидеть... ну, даже и дома — чем плохо? — будущая свекровь так вскинула брови, будто всем тут же должно было стать ясно: ее единственный сын явно выбрал не ту. Дома! Еще сказала бы — у нее дома! Да, квартира большая и в самом центре, но — привести сюда посторонних?! О господи!

Катя вспомнила, как свекровь уселась на самом краешке старого дивана, будто боялась, что он рассыплется и она окажется на полу... или что его ржавые пружины испачкают ее безупречный кремовый английский костюм, коварно подобравшись прямо сквозь обивку.

— Катя, — многозначительно промолвила Лидия Эммануиловна, женщина с манерами королевы и дворцовым же отчеством, которое Катя при первом знакомстве не слышала и несколько раз в разговоре назвала мать Тима Андреевной, пока он ее вежливо не поправил — слава богу, поправил он, а не услышала такое она сама! Катя со стыда бы сгорела! Тем более где Эммануиловна, а где Андреевна! И почему вдруг — Андреевна? Этого она, увы, объяснить не могла. — У вас тут, разумеется, очень...

э-э-э... уютно, но... Но! — Лидия Эммануиловна подняла длинный острый палец. — Боюсь, мы все тут не поместимся!

Большой овальный стол посреди комнаты раздвигался, становясь вдвое больше, если было нужно. Да, конечно, когда за него садились сама хозяйка, Игорь Лысенко, Бухин с женой, Тим и Боря Бурсевич, все было в порядке, но если еще и родители Тима, и ее мама... и Наталья с Антоном... может быть и тесновато! В конце концов, к овальному можно придвинуть и стол с кухни, о чем она робко заикнулась, но напоролась вдобавок к указующему персту на такой взгляд, что только пролепетала:

— Ну... в кафе тоже можно...

Действительно, неподалеку от дома есть замечательное кафе — в переулке, тихое и уютное, они с Тимом не раз заглядывали туда, чтобы выпить кофе и унести в пакете горячие фирменные слойки — Катя любила с кремом, а Тим — с мясом и кинзой.

— Разумеется, разумеется! — проворковала Лидия Эммануиловна. — Я уже присмотрела хороший ресторан!

— У нас тут совсем рядом... — начала было Катя, сжимая руку жениха. — Правда, Тим? Наше любимое кафе!

— Это забегаловка какая-то! — отмахнулась Тимова мамаша, и даже жемчуга на ее точеной шее выразили холодное перламутровое презрение. — Что скажут родители Отара Шалвовича!

Сам Отар Шалвович в прениях не участвовал — веселый отец Тима, который с будущей невесткой всегда был приветлив, благоразумно удалился в кухню — осваивать новый кофейный аппарат, им же и подаренный. На кухне было подозрительно тихо: то ли будущий свекор читал инструкцию, то ли решал кроссворд, но скорее просто не захотел идти наперекор жене — видимо, ему уже и дома хватило

всего: «единственный сын», «не ударить в грязь лицом», «что скажут родственники» и прочего.

— А они что, тоже придут? — не удержалась Катя. — Далеко ведь!

— Конечно, придут! Можно даже не сомневаться! Свадьба для грузин — святое! И бабушка с дедушкой будут, и дядя Дато, и тетя Кетеван, и Давид, и Михо, и Автандил с Мириам, и двоюродные братья все... Ну и моя сестра с мужем, и Томочка...

— Конечно!.. — успела вставить Катя. С Томкой, сестрой Тима, они теперь были в прекрасных отношениях, и ей она действительно будет рада!

— ...и не забыть Звиада и Илико! Столько людей, а в этом кафе убогом и повернуться негде! Да и Русико, крестная Тимура! И ее сестры: Тина, Софико, Татия... Ну и мои самые близкие подруги, конечно. Таня и Лена.

После всех перечисленных, от которых кружилась голова, Таня и Лена, подруги свекрови, коих оказалось всего две, были просто бальзамом на душу... Но как быть с многочисленной родней с грузинской стороны? Как и где всех разместить, при этом никого не забыть и, не дай боже, не перепутать?! Кто Автандил, кто Михо, а кто — Дато?! Не смешать в одну кучу степень родства и свойства: кто кому сват, крестный, племянник, свояк, золовка, троюродная бабушка со стороны крестной второй жены, поэтому ее нужно посадить по правую руку от невесты и при этом ни в коем случае не слева от тещи!

— Может, не надо... — дернула Катя, но Тим вовремя поймал ее пальцы и сжал их.

— Платье нужно непременно белое и непременно в пол! И никакого платья из проката, которое неизвестно кто надевал, — только новое и только шить! Я взяла несколько каталогов, вот, заехала по дороге... хотя не знаю, не увере-

на... этот вопрос можно будет обсудить отдельно, ну, скажем, завтра! Платье — вопрос первостепенный! Давайте все-таки посмотрим, просто чтобы сравнить... Я тут выбрала из нашего семейного альбома, так сказать, в порядке ознакомления. — Лидия Эммануиловна разложила глянцевым веером с десятков снимков. — Мне лично нравится вариант с гладкой юбкой, но сейчас почти у всех эти дурацкие кринолины! И у дочери Тамрико, и у Этери... А, вот оно! Вот это! Когда выходила племянница Софико и мы ездили... очень удачное было платье, да! Не совсем такое, как я себе представляю свадебное, но нечто в таком роде и нужно!

Они с Тимом договорились, что оба будут в белых джинсах, черных майках и в кедах с яркими шнурками!.. Катя кусала губы. Платье черноглазой, чернобрововой и крутобедрой племянницы Софико — вылитая Софи Лорен в молодости — с голой спиной и с высоко поднятой корсетом грудью не нравилось ей категорически.

— Нет! — сказала она решительно. — Я такое не хочу! Мы с Тимом...

Она чуть было не брякнула про джинсы и шнурки, но очень вовремя появился Отар Шалвович, неся на подносе благоухающие чашки. И молоко он перелил из пакета в молочник — Катя даже забыла, что он у нее есть! И сахарницу, кажется, того... отмыл. Ей стало стыдно за все разом: и за свою бесхозяйственность, и за паутину в углах, и даже за то, что она не лучший вариант для их единственного сына... впервые стало стыдно за это. Ну или почти стыдно. А за паутину совестно было однозначно. Она, конечно, знала, что визита Тимовых родителей нужно ожидать, — но не так же скоро?! Во всяком случае, сегодня она их точно не ждала! Свадьба, оказывается, такое сложное мероприятие! И его нужно планировать как минимум за два месяца, а лучше и вовсе за полгода! И платье шить! Которое потом